

УДК 821.161.1.09-95:004.738.5+929[Прилепин+Толстая]

РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС XXI ВЕКА: ЗАХАР ПРИЛЕПИН И ТАТЬЯНА ТОЛСТАЯ НА «РИНГЕ» FACEBOOK

А. А. Суворов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: suvorov@list.ru

Литературный процесс в XXI в. испытывает влияние активно развивающихся информационных технологий; традиционные формы публикации произведений словесности и авторские статусы находят новые воплощения в пространстве социальных сетей. Статья посвящена актуальной литературно-критической полемике Захара Прилепина и Татьяны Толстой, развернувшейся в сети Facebook.

Ключевые слова: русский литературный процесс, Интернет, социальные сети, Захар Прилепин, Татьяна Толстая, литературная критика, писательская критика.

The Russian Literary Process of the XXIst Century: Zahar Prilepin and Tatyana Tolstaya «On the Ring» of Facebook

A. A. Suvorov

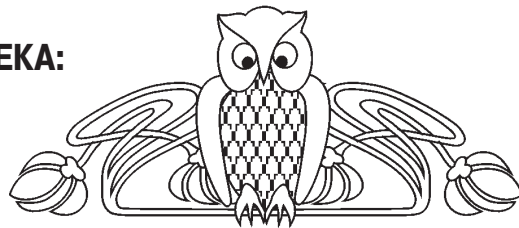
The Russian literary process of the XXIst century is influenced by the highly developed information technology; the works of literature and the authors' statuses find a new embodiment in the sphere of social media instead of traditional publication forms. The article is dedicated to the controversial literary dialogue between Zahar Prilepin and Tatyana Tolstaya which took place «on the ring» of Facebook.

Key words: Russian literary process, Internet, social media, Zahar Prilepin, Tatyana Tolstaya, literary criticism, writers' criticism.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-1-98-107

Цель нашей статьи – рассмотреть публичный диалог двух писателей, который поможет определить наиболее значимые характеристики феномена, именуемого в филологии русским литературным процессом начала XXI в. Мы проанализируем ряд критических высказываний, опубликованных в аккаунтах социальной сети Facebook Захаром Прилепиным и Татьяной Толстой, прямо или косвенно затрагивающих принципиальные вопросы литературного труда и обоюдные оценки в области индивидуально-творческой. Поставленная исследовательская цель требует обращения к историко-культурному контексту и специфике функционирования современных коммуникационных технологий.

В центре нашего внимания именно те тексты (принадлежащие активно издаваемым и переиздаваемым писателям), которые в различном виде могут содержать обоюдную профессиональную оценку. С точки зрения «классического» литературоведения – это писательская критика. Мы не случайно использовали кавычки, поскольку при-

вычный терминологический арсенал филологии в анализируемой ситуации, на наш взгляд, может быть дополнен и уточнён.

И. А. Книгин в «Словаре литературоведческих терминов» указывает: «Писательская критика, отличающаяся нетрадиционностью взглядов и мышления, ассоциативностью, осознанным субъективизмом, подразумевает литературно-критические и критико-публицистические выступления тех литераторов, чьё творчество в основе своей состоит из художественных текстов»¹. На первый взгляд, наша ситуация полностью соответствует предложенной в актуальном справочном издании дефиниции: чуть позже мы сможем идентифицировать все перечисленные И. А. Книгиным характеристики мышления и специфические формы высказывания писателей, выступающих в роли критиков. Сами участники интересующей нас переписки также «подпадают под статью» процитированного «Словаря литературоведческих терминов» – будучи журналистами и общественными деятелями, своим основным занятием и Татьяна Толстая, и Захар Прилепин сделали литературу (оба писателя обладают внушительным и постоянно пополняющимся списком журнальных и книжных художественных публикаций, а также персональным перечнем престижных литературных премий). Тогда почему же требуются дополнения «традиционного» литературоведческого инструментария? Дело в том, что вплоть до конца первого десятилетия XXI в. писательская критика, как и литературная критика в целом, «жила» на страницах печатных изданий, в келье личной переписки, в тематическом составе мемуаристики (позднее – в рамках телевизионных и радиальных программ). Достаточно широкие жанровые рамки для тиражируемых текстов предполагали, тем не менее, ряд условностей и этикетных формул, в том числе научно-терминологических и содержательно-структурных. Мы же имеем дело с явлением нового порядка – своеобразной критикой «для своих».

О целом наборе важнейших для нашего разбора параметров писательской критики пишет профессор В. В. Прозоров в книге «Другая реальность»: «Писательская критика – доверительные оценки и отклики лирического характера, черновые, домашние, для себя и для узкого круга посвященных, отзывы, не предназначавшиеся для печати»². Выявленную исследователем читательскую направленность критики мы проследим в пространствах частных цифровых онлайн-дневников, открытых для массового читателя. Практи-

чески неразличимый в реалиях XXI в. парадокс (частный дневник – для всех) обуславливает набор свойств поэтики «текстов для блога», которая требует терминологических уточнений. В процессе формирования информационного массива или потока публикаций в аккаунте социальной сети успешный автор параллельно набирает всё большее количество постоянных читателей (подписчиков) и тех посетителей его страницы, которых мы можем назвать окказиональными. Постоянная аудитория обладает двумя важными чертами: во-первых, лояльностью и готовностью воспринимать эмоционально окрашенные выступления; во-вторых, способностью, на основе постоянно пополняющихся знаний об авторской позиции, предсказывать и предвидеть его реакции и оценки. Вторая особенность крайне важна для писательской критики, опубликованной в сети Facebook или на любой блог-платформе, поскольку связана с литературно-критической позицией ведущего блог-литератора и его авторской стратегией. Последняя а priori предполагает обращение к надёжной и позитивно воспринимающей практически любое сообщение аудитории – назовём этот её сегмент «ядерным». В диалоге с таким читателем автор может рассчитывать на ещё большие фоновые знания, например, на хорошее ориентирование в художественном мире его литературных произведений.

Снова обратимся к актуальным для предстоящего анализа филологическим студиям В. В. Прозорова³: «Литературно-критическая позиция писателя выражается в эссеистских набросках, заметках, отрывках, раздумьях дневникового характера, эпистолярных признаниях, разного рода суждениях о современной литературе, включенных в образный строй собственных художественных произведений»⁴. Приведённая формулировка максимально точно определяет круг способов высказывания профессионального литератора в пространстве социальной сети. Он (она) живёт со своими читателями и почитателями в одном смысловом пространстве, координаты которого заданы художественной реальностью – теми произведениями, благодаря которым автор приобрёл популярность. Новая, с точки зрения филологии, составляющая системы отношений «писатель – литературная критика – массовый читатель» заключается в том, что аудитория социальных сетей содержит сегменты (или читательские группы) «не знакомых» с литературными трудами автора, выступающего в роли критика. Публикация отклика на художественный текст или полемического высказывания в блоге, таким образом, может восприниматься и самостоятельно, в отрыве от иных трудов и печатных выступлений.

Традиция влиятельных литературно-критических публикаций и полемик уходит как минимум в 1830-е гг. – время формирования массовой печатной словесности в России (а по мнению ряда исследователей, ещё глубже в века⁵). Классиче-

ским примером площадки для многочисленных полемик вокруг художественных произведений может служить журнал «Библиотека для чтения», ставший во второй половине 1830-х гг. (благодаря своему издателю и автору О. И. Сенковскому) безусловным лидером «журнальной литературы» России и потенциальным оппонентом для пушкинского «Современника»⁶. Развитие русского литературного процесса в течение почти двух веков, вопреки драматическим коллизиям и переменам, не предполагало принципиального изменения параметров, определяющих сам способ публикации текста (литературного и литературно-критического).

С развитием цифровых технологий и возможностей компьютерных сетей ситуация меняется кардинально. Ко второму десятилетию XXI в. (с появлением и активным распространением социальных сетей) само понятие «литературно-критическая публикация» наполняется иным смыслом. В качестве наглядного примера приведём актуальные на время подготовки этого текста цифры: на блог (аккаунт) писателя, журналиста и литературного критика Захара Прилепина в социальной сети Facebook подписано 53 238 человек, аккаунт Татьяны Толстой в этой же сети имеет 128 079 подписчиков. Это гарантированная аудитория каждой публикации («поста»), которая в любом случае вырастает за счёт повторных публикаций других пользователей (репосты), просмотров тех пользователей, которые решили не иметь постоянной подписки, и «заходов» на публикацию по ссылкам из поисковых систем. Окончательную аудиторию каждой публикации блогеров подсчитать невозможно, но порядок цифр в данном случае определяется сотнями тысяч. А теперь для сравнения: аудитория ведущего тематического печатного органа второй половины XX в. – «Литературной газеты», по данным официального сайта, составляет 399 тыс. человек⁷. Тираж одного из наиболее влиятельных во второй половине XX в. «толстого» литературного журнала «Новый мир» достигает в 2010-х гг. отметки 7 тыс. экземпляров, согласно данным агентства РИА⁸. Для нашего примера цифр достаточно; можно сложить представление о положении дел: традиционные формы и способы публикации литературно-критических материалов во втором десятилетии XXI в. находятся в упадке⁹. Пребывает ли сама литературная критика в таком же положении?

Конечно же, нет. И литературные, и критические произведения продолжают создаваться и предаваться огласке. Причём активность в этой сфере на рубеже веков выросла в десятки, а может быть, и в сотни раз. Многочисленные интернет-площадки позволяют без усилий опубликовать художественный текст. Сотни тысяч авторов пользуются сервисами www.proza.ru и www.stihi.ru¹⁰, социальные сети стали площадкой для дискуссии журналистов, критиков, обозревателей и самих

писателей – причём все названные роли может «использовать» один автор. Уже не действуют традиционные ограничители, удерживающие семантические рамки жанров словесности и, что самое главное, авторских статусов. Меняются местами магнитные полюса, определяющие непрерывное развитие такого явления, как «литературный процесс». Перед тем как перейти к анализу высказываний Захара Прилепина и Татьяны Толстой, нам необходимо уточнить значение термина, который мы постоянно используем.

В статье «О соотношении понятий “литературный процесс” и “литературная жизнь”» Е. Г. Елина говорит о советском официальном литературоведении как об эпохе наиболее частотного употребления термина «литературный процесс»¹¹ (что даже в тот период не могло, по мнению исследователя, считаться абсолютно точным и уместным). Термин был призван описать общественно значимый процесс, характеризующийся взаимодействием писателя, читателя и литературного критика. Действительно, в реалиях конца XX – XXI в. этот «треугольник» практически распадается – принципиально меняются роль литературного критика и его социальный статус. Исследователи сходятся в одном – содержание понятия «литературный процесс» меняется вместе с переменами в функциональных и статусных параметрах цепочки «автор – критик – читатель». «Однако при всей неполноте и односторонности термин “литературный процесс” отвоевал себе право на существование хотя бы потому, что только он в состоянии с помощью косвенных признаков обозначить сакральную сущность бытия литературы в XX веке, описать множественность литературных ситуаций этой эпохи»¹², – пишет Е. Г. Елина. В этой же статье предлагается другое терминологическое сочетание – «литературная жизнь», значение которого исследователь определяет так: «... это живая картина взаимодействия художественных и критико-публицистических текстов, только что рождённых и давно созданных, но переживших свою эпоху и своих создателей и прочно вошедших в поздний читательский репертуар. Новейшая литература естественно соотносится с художественной классикой, сотворённой в прежние времена»¹³. Именно в контексте многочисленных профессиональных и обывательских суждений по поводу недавно вышедших или опубликованных «в прежние времена» литературных текстов нужно рассматривать полемику двух, безусловно, успешных писателей, высказывания которых нас так заинтересовали. Итак, термин «литературный процесс» мы будем использовать с известной долей условности, поскольку наш исследовательский материал («посты» в социальной сети) и его контекст (сама сеть Интернет) уже только фактом своего существования маркируют процесс десакрализации традиционных статусов писателя и литературного критика. Мы сознательно пользуемся точно выбранной Е. Г. Елиной

словоформой – «сакральный статус», а в процессе разбора публикаций литераторов планируем выявить «последствия» обозначенного процесса.

Подчеркнём – все цитируемые тексты находились в свободном доступе в сети Интернет во время подготовки статьи и были размещены на «официальных страницах» названных писателей¹⁴. Цитаты приводятся с сохранением авторской орфографии и пунктуации, использованной для записи в Facebook. Мы вынужденно «выхватываем» наиболее интересные и значимые для формирования представления о современном литературном процессе части длительного диалога и не претендуем на всеохватность последующих выводов.

Первое же цитируемое высказывание Татьяны Толстой может привести читателя в замешательство – столь далёк его стиль от традиционной жанровой формы литературно-критической или литературно-полемической публикации. Именно здесь условный конфликт двух писателей обозначился наиболее чётко. **Татьяна Н. Толстая** (28 августа 2014 г.):

«Захар Прилепин всполошился, что вы, друзья мои и читатели, залайкали меня на “Снобском” голосовании. Кто-то из его комментаторов даже предположил, что это я сама сидела, и как зайчик-Энерджайзер, все била и била лапкой по клавише, чтобы набить себе такое числовое выражение читательской любви. Я всегда говорила, что Захар Прилепин – девочка. Не плачь, Захар! Вытри глазки-то. Будет у тебя новое корыто!

“Что творится-то. Татьяна Никитична Толстая призвала всех в своём блоге поддержать её голосом. Верней, кликом. Верней, лайком. Короче, поддержать. Клик-клик. Лайк-лайк.

И как поддержали, как поддержали.

Еле поспеваем с Владимиром Деньопричнычем за ней.

– Татьяна Никитична-а-а! – кричим, – Татьяна Никитична-а-а! Прокатите нас на бричке! Мы вас смешить будем, барыня! Не откликается. Только пыль в глаза и хохот ея слышен за пыльными тучами. И ямщика бьёт по спине специальной палкой с набалдашником. Ямщик кряхтит и правит. Отдельно, конечно, надо сказать о публице, которая теперь всё активнее собирается в “Снобе”. Хорошие люди, они на “Эхе Москвы” чувствуют себя немного неуютно (шумно и грязновато) – а среди своих им проще. Вкусы их известны. Вкусы их а-яй. Короче, идите и сделайте верный выбор, друзья. Мне ли вас учить.” Помогите Захару. А не то он дознается, кто за меня голосовал, и со свету вас сживет»¹⁵.

Вышеприведённый текст содержит очевидные жанровые приметы саркастической пародии и юмористической зарисовки: образ зайчика из рекламы батареек «Энерджайзер», с которым сравнивает себя Татьяна Толстая; номинация, выбранная для обозначения оппонента, – «девочка», которой предлагается не плакать от обиды; бла-

годаря созданному рамочному тексту цитата из блога Захара Прилепина (на платформе «Живого Журнала» – <http://prilepin.livejournal.com>) меняет свои изначальные смысловые акценты: образ барыни, управляющей бричкой и избивающей ямщика специальной палкой (намёк на голосование на проекте «Сноб»), также приобретает черты теперь уже двойной пародии; в качестве сигнала «свой – чужой», позволяющего аудитории расставить приоритеты, звучит ссылка на радиостанцию либерального направления «Эхо Москвы», которая тоже оказывается по разные стороны идеологических «баррикад» с Захаром Прилепиным. Указанные стилевые маркеры вкупе с финальным «предостережением» – если не поможете моему оппоненту, «он дознается <...> и со свету вас сживёт» – моделируют в сознании аудитории ощущение сора. При этом базовая форма обращения Татьяны Толстой к своей интернет-аудитории может быть охарактеризована как непринуждённо-приятельская («Короче, идите и сделайте верный выбор, друзья. Мне ли вас учить» – не прямое побуждение к голосованию за свою кандидатуру). Писательница обращается к давно знакомым, близким ей людям, к своим единомышленникам. Они не воспринимают разговорную форму «короче» как фамильярность, они не оценят фразу «Мне ли вас учить» как настоящее поучение; это предложение будет «считываться» в режиме полемики с Захаром Прилепиным: он «учит», т. е. оказывает своими высказываниями давление на аудиторию.

Возникает резонный вопрос: можно ли отнести данный текст к литературно-полюемическому или литературно-критическому высказыванию? Стилиевая природа «поста» противится такой идентификации, а вот факты... Во-первых, Татьяна Толстая откликается на характеристику профессионального статуса, данную ей другим признанным писателем; во-вторых, контекст диалога предполагает связь с голосованием на тематическом ресурсе (интернет-журнал «Сноб» – авторитетная площадка для современных писателей и публицистов); в-третьих, активная эмоциональная «защита» Татьяны Толстой позволяет парировать «претензии» Захара Прилепина на отклик чужой для него читательской группы (голосующих за автора «Кыси» на «Снобе»). Писательница восприняла слова коллеги по цеху именно как намерение захватить внимание *ядерного* сегмента её аудитории. В анализируемом тексте мы наблюдаем классическую фабулу литературно-критической дискуссии, разворачивающейся в зоне персонального комфорта участников. Нарушение границ этой зоны и становится причиной эмоциональной контратаки Татьяны Толстой. В предлагаемой ситуации смутить филолога может специфическая форма обращения автора к своему читателю и к своему оппоненту. Очевидно, разговорный и даже лексически сниженный характер диалога не смущает ни аудиторию, ни (как мы увидим ниже) оппонента.

Отметим одну из ключевых характеристик «интернет-критики» – её полную включённость в контекст социальной сети; аудитория блога Татьяны Толстой совершенно **органично** воспринимает обращение писательницы к любой теме, будь то полемика с Захаром Прилепиным или описание кулинарного рецепта, полюбившегося автору «Кыси».

Продолжение диалога «либерально-интеллектуального» крыла отечественной словесности начала XXI в. и его «почвеннической»¹⁶ группировки мы увидим в следующей записи **Захара Прилепина** (8 ноября 2014 г.): «Помню, как однажды Людмила Улицкая назвала мои взгляды “антиинтеллектуальными”. Несколько месяцев спустя Татьяна Толстая корила меня за то, что я “презираю интеллигенцию”. Насколько я понимаю, Людмила Евгеньевна и Татьяна Никитична относятся друг к другу сложно – а тут, надо же, сошлись. На самом деле, к интеллигенции я отношусь с огромным почтением – но, к сожалению, этот класс русских людей сумел пережить даже Советскую власть, не смог пережить 90-е и “нулевые”. Частью интеллигенция была деморализована и развращена, частью маргинализирована, а оставшиеся в прямом смысле слова – вымерли. За интеллигенцию себя выдают теперь те, кого мы любовно называем “прогрессивной общественностью”. Сами себя они именуют “либералами”. А теперь послушайте, что писал Юрий Олеша про интеллигенцию: “У нас есть специальность – интеллигент. Это тот, который сомневается, страдает, раздваивается, берёт на себя вину, раскаивается и знает в точности, что такое подвиг...” Здесь – внимание. Тот класс людей, что мнит себя сегодня интеллигенцией и те, кого совместно считают интеллигенцией Т. Н. Толстая и Л. Е. Улицкая:

- а) не сомневаются в своей правоте;
- б) не страдают в том смысле, о котором говорил Олеша;
- в) не раздваиваются, а последовательно отстаивают исключительно собственную правоту;
- г) никогда не берут на себя вину;
- д) никогда не раскаиваются – даже в тех вещах, в которых виноваты самым очевидным образом;
- е) и, наконец, если представления о подвиге, скажем, А. П. Чехова (будет война – поеду врачом на войну) не вступали в противоречия с представлениями о подвиге в народе, то нынешние представления о подвиге в среде “интеллигенции” в самом лучшем случае могут вызвать в народе удивление.

Путать либеральных интеллектуалов (и либеральных антиинтеллектуалов) с русским интеллигентом – очень серьёзная и грубая ошибка. У Татьяны Никитичны Толстой хороший вкус. Если она подойдёт к зеркалу и серьёзно объявит: “Я русский интеллигент!” – она первая захохочет в своей замечательной манере. До слёз захохочется, и потом будет долго приговаривать негромко,

смахивая счастливую слезу: "...ох, ты, Господи... угораздит же такое сказать... ох..."

Это действительно смешно. (Теперь по очереди подводите к зеркалу всю либеральную рать и заставляйте их громко произносить эту фразу: "Я русский интеллигент!" Всякий раз можно хохотать до колик. Удар может хватить от смеха. Даже не будем перечислять эти фамилии, уже смешно)¹⁷.

Вспоминая определение «литературной жизни», отмечаем в тексте современного писателя Захара Прилепина:

«живую картину взаимодействия художественных и критико-публицистических текстов» (цитаты из публицистических высказываний Татьяны Толстой и Людмилы Улицкой, знание их литературных произведений);

«естественное соотношение с художественной классикой, сотворённой в прежние времена» (актуальные в XXI в. цитаты из А. П. Чехова и Юрия Олеши).

Захар Прилепин не только даёт ответ писателям, которых он воспринимает в качестве оппонентов, но и предлагает краткий обзор нескольких десятилетий культурной жизни страны и своё видение нынешнего положения важнейшего – ключевого для развития литературы – социального слоя. Неутешительный вывод писателя об интеллигенции (класс «не смог пережить 90-е и "нулевые"») сопровождается принципиальным уточнением: появились социальный суррогат и новое обманчивое обозначение этой поддельной группы («либеральные интеллектуалы»). Именно к этой группе Прилепин причисляет Татьяну Толстую. Причём последовательно перечисляет приметы «новой интеллигенции». И в этом «посте» не обошлось без сарказма и пародийной стилистики: автор предлагает литературную карикатуру, изображающую Татьяну Толстую в диалоге со своим отражением в зеркале, демонстрируя не только хорошее знание текстов писательницы, но и свои профессиональные навыки. Вспоминая классические образцы писательской критики и антикритики¹⁸, мы имеем право признать приведённый текст литературно-критическим.

Проанализируем ещё одно высказывание Прилепина в адрес оппонента, отметив пока его относительную стилистическую сдержанность. **Захар Прилепин** (11 ноября 2014 г.): «В Татьяне Никитичне Толстой есть всё для того, чтоб быть великим писателем, кроме одного, самой малой толики – гуманистического чувства. Предпоследняя её книжка – "Лёгкие миры" – об этом говорит тоже. Толстая в очередной раз нацелена на мерзость социализма и Советов – ей так, по крайней мере, хочется думать – но, на самом деле, ей владеет брезгливость к человеку, как к таковому. Особенно, впрочем, к русскому человеку; хотя не только к нему. И вот Татьяна Никитична составляет свои кубки – они без труда ей даются: фраза, абзац, лёгкость писательской походки,

улыбка или горечь внутри строки, острый глаз, острый ум, сюжет, наконец... остаётся самая малость, чтобы это стало прозой – чтоб, например, дописать тот роман, который она пишет уже двадцать лет. И тут Толстая сама (у неё же, мы знаем, безупречный вкус – по крайней мере, до тех пор, пока она говорит о своём, ей доступном) – она сама вдруг понимает, что у неё не получается. Она опять пытается разобраться: Советская власть – пошлость и мерзость? О, да. Русский человек выглядит сплошь и рядом как коряга? Ещё бы. И американский тоже иногда. А как же. Что не так? Всё так, просто она людей не любит, её воротит. На блог может хватить какого-то человеческого, мерцающего чувства, а на рассказ – уже нет; разве что если речь пойдёт там про отца. Но на роман и затеваться не стоит – на каком его топливе разводить? На этом её снисходительной хохотке? И сразу Гоголь, Чехов, Лесков, Салтыков-Щедрин, Толстой Л. Н., Толстой А. К., Толстой А. Н. и Горький Максим сторонятся: проходите, Татьяна Никитична, вам дальше. Ей куда-то дальше. Она поджимает губы и проходит, подбородок высок, глаза тяжёлые. Мощная женщина¹⁹. Таково высказывание Захара Прилепина (сложно говорить о жанре статьи или аналитической рецензии), посвящённое анализу новой книги Татьяны Толстой, а также всему творческому методу автора «Лёгких миров». Благодаря краткости текста, который приведён полностью, и максимальной погружённости его автора в проблематику творчества Татьяны Толстой, создаётся «впечатление вывода». Уточним своё наблюдение: перед читателем не разворачивается полноценного по объёму аналитического текста, но сомнений в компетенциях автора-критика не возникает (постоянная аудитория Прилепина хорошо знакома с его литературно-критическими публикациями); нам предложена «как бы» финальная часть длительного и подробного разбора текстов Татьяны Толстой, вошедших в сборник «Лёгкие миры». Необходимо отметить, что *лаконичность и общезначимость формулировок может считаться постоянной признаком* записей в блогах.

Иллюзорная авторская позиция – «состояние вывода» – получает право на жизнь ещё и потому, что Прилепин-блогер выделяет как негативные, так и позитивные черты оппонента. «Отдавая должное» в споре, он отмечает уникальную стилистическую манеру писательницы, структуру её повествования, точность наблюдений и удачные сюжеты её текстов. Сильнейшей критике подвергнута иная сторона – более важное и глубинное начало художественного мира Татьяны Толстой: «гуманистическое чувство». Не давая оценки позиции Прилепина, укажем лишь, что его критика попадает в «нервное сплетение» писателя. Упрёк выходит за рамки одной книги: «Толстая в очередной раз нацелена на мерзость социализма и Советов...». Получается, что вышедший текст не содержит серьёзного размышления, а является

лишь вариацией известной и давно исчерпанной темы. Прилепин отказывается видеть в Татьяне Толстой «большого» писателя: «На блог может хватить какого-то человеческого, мерцающего чувства, а на рассказ – уже нет; разве что если речь пойдёт там про отца. Но на роман и затеваться не стоит – на каком его топливе разводить?». Сейчас нам необходимо отвлечься от эмоциональной баталии в цифровом пространстве и обратить внимание на рациональное начало в рассуждении Захара Прилепина. Фактически в разбираемом критическом отклике на книгу Татьяны Толстой он формулирует один из принципиальных вопросов современной филологии: как определить семантические границы такого явления, как текст блага? И сам же даёт ключи, помогающие нам как минимум с направлением при поиске ответа. Основным «топливом» прозы, по Прилепину, является «человеческое чувство» (и его хватает Татьяне Толстой для ведения талантливой блога), для успеха малой формы – рассказа – может быть достаточно развития волнующей писателя темы (в случае с его оппонентом это рассказ про отца). Для главного эпического жанра необходимо нечто большее. К сожалению, больше подсказок нам не оставлено. Придерживаясь главного филологического принципа, мы не будем строить догадок. Имеет смысл остановиться на фактах: текст критического отзыва характеризует блог как близкое к рассказу жанровое явление. Границы явления определяются Прилепиным достаточно широко: текст, размещённый в аккаунте социальной сети, получает права и возможности малой литературной формы. По крайней мере, в качестве потенциала роста. Роман же, как творческий эталон, требует значительно больших усилий и другого профессионального «уровня» – как раз, по мнению критика, недостающего Татьяне Толстой.

Литературная карикатура Захара Прилепина, изображающая вежливо пропускающих Татьяну Толстую куда-то «дальше» классиков русской литературы («И сразу Гоголь, Чехов, Лесков, Салтыков-Щедрин, Толстой Л. Н., Толстой А. К., Толстой А. Н. и Горький Максим сторонятся...»), даёт нам право снова отметить важную составляющую *литературной жизни* – естественное соотношение с художественной классикой. Сложно воспринимать солидный список имён как комплимент, однако именно в этом ряду по воле Прилепина оказывается имя Татьяны Толстой.

Молниеносно – в тот же день – на критику Захара Прилепина отвечает **Татьяна Толстая** (11 ноября 2014 г.): «Вот вы не следите за новинками книжного рынка, хлопаете ушами. А вот девочка Женя (пишущая под псевдонимом Захар, как и полагается нежному, плаксивому существу) следит, тревожится, пугается – ведь у меня опять книжка вышла, едрит-мадрид. Новый сборник называется “Невидимая дева”, в него входит одноименный рассказ, а также другие рассказы, прежде печатавшиеся, а также текст,

который никуда не входил, нигде не печатался и никому из читателей неизвестен. Это кусок “мемуара” про детство и моих учителей, это, скажем так, глава из большого проекта “На малом огне”, который я собираюсь писать кусочками и лоскутками и понемножку склеивать, нанизывать на веревочку как сушеные грибы. Женя еще от прежнего сборника (“Легкие миры”) не отошла, дрожит осиновым листом на зябком ноябрьском социалистическом ветру. Красными бессонными глазами Женя одолела мои тексты и поняла, страшное: Толстая – либерал, Толстая не любит людей. Это причина и следствие. Да, Женя/Захар. Да. Тебе, действительно, не стоит выходить после наступления сумерек легко одетой. Зеленые глаза либералов светятся в темноте болотными огнями. Пахнет серой (стиролом). На улице жуть и капитализм. Да вообще, иномарки. Затащат тебя, Женя, либералы за помойные баки, не посмотрят, что у тебя бицепсы и голова лысая, обидят своей деконструкцией и этим... постмодернизмом. Потом стыдно будет к народу выйти зарёванной и с задранной сарафаном. Ссылку не даю – не хочу обидеть девочку»²⁰. Татьяна Толстая создаёт не просто ответ Захару Прилепину, она формирует полноценный речевой образ, способный – как полноценная индивидуальность – не только принять участие в литературно-критической дискуссии (перепалке?), но и стать alter ego своего создателя. Для аудитории, хорошо знакомой с прозой писательницы, в процитированном пассаже много привычного: литературный приём сознательного лексического снижения («Вот вы не следите...», «А вот девочка Женя...», «едрит-мадрид» и т. д.), а также сам эмоциональный настрой, который подходит скорее для успешного спора «на завалинке», чем для аналитической дискуссии. Конечно же, условия литературной игры хорошо известны сторонникам Татьяны Толстой; воспринимать её выпад как неконтролируемую просторечную агрессию было бы опрощающим решением. За словами уязвленной и довольно грубой «личности» скрывается виртуозно проработанная стилистическая индивидуальность, прорисованная в художественном полотне рассказов Татьяны Толстой как целая серия женских персонажей, получивших прописку в постсоветском пространстве коммунальных квартир и многочисленных дач. Двойной смысловой заряд текста, обращённого к Захару Прилепину (а на самом деле – к своим постоянным подписчикам), предполагает использование всего саркастического потенциала разговорной лексики против «народника» Прилепина.

Аккаунт в Facebook – это дружеская площадка для общения (лестничная площадка родного дома или столь характерный для творчества Татьяны Толстой образ кухни), и здесь позволительно многое, например, назвать обидчика «плаксивой девочкой Женей». А точнее, вывести для участия в словесном поединке именно ту жительницу «коммуналки», которая и будет, по мнению Та-

Татьяны Толстой, уместной соперницей в споре с Прилепиным. Учитывая, что Евгений – настоящее имя писателя, ответ оппоненту можно считать по меньшей мере неприятным. На критику своей книги писательница реагирует в стилистике обращённого наизнанку анекдота: не рекомендует оппоненту выходить «после наступления сумерек легко одетой», ведь на «улице жуть и капитализм». Если обратиться к содержательной стороне диалога и отвлечься от эмоциональных пассажей, то станет ясно: Татьяна Толстая выразила несогласие и с безапелляционным отнесением своей персоны к «лагерю либералов», а также и с характеристикой своего творчества как построенного на ненависти к советскому режиму и Человеку в целом.

Следующая запись Захара Прилепина в Facebook отвлечёт нас от полемики с Татьяной Толстой. Однако именно этот «очерк литературных нравов» крайне важен для понимания ключевых параметров русского литературного процесса начала XXI в.; речь пойдёт о внутренних принципах формирования списков номинантов и победителей одной из наиболее престижных отечественных литературных премий «Большая книга». **Захар Прилепин** (29 ноября 2014 г.): «Вдогонку несколько заметок про “Большую книгу”, чтоб не множились мелкие слухи. 1. Отрыв мой от второго, третьего, четвёртого места был в сорок с лишним баллов. Для сравнения – между вторым и третьим местом был отрыв баллов в шесть, а разница между третьим местом (Шаров) и четвёртым (Алексеевич) была один балл. Тут просто один мой коллега из патриотического лагеря говорит, что его голосование (он в некоторых душевных муках проголосовал за меня) возможно было определяющим. Спасибо, но, нет, не было. 2. Другой вопрос, что, да, в определённых кругах была установка на то, что “сделаем всё, что угодно – лишь бы не победил Прилепин”. Люди работавшие в комиссии говорят, что многие прогрессивные граждане ставили мне даже не двойку или три, например, балла – а ноль, зеро, чтоб максимально сбить голосование за меня. Соответственно своим фаворитам – десятку. Рядом с моим товарищем на церемонии сидела Божена Рынки.

– Кто это? – спросила она ткнув пальцем в одного из лауреатов на сцене.

– Макушинский.

– Какой милый. Буду за него болеть. Лишь бы не Прилепин.

Когда объявили лауреатов, Рынки порывисто вышла из зала. Всего поднялось и вышло человек пятнадцать. Лучшие люди страны. Мои соболезнования. Тут, говорят, критик из “КЪ” Аня Наринская уже написала статью в стиле “печальный крик выпи над степью”. Аня в 2011, кажется, году сообщила в итоговой литературной колонке, что, да, придётся признать – нулевые были временем Прилепина, но вот десятые, точно не будут его временем – такие писатели нам больше не пригодятся. Всё сбилось. Всё у вас сбывается.

Утретесь, и поехали дальше. (Это был очерк литературных нравов. Вот такие оне у нас)»²¹.

Конкурентная среда – это естественное положение дел в любом конкурсном проекте, каковым является и литературная премия. Даже попадание в «лонглист» становится почётным и активно обсуждаемым в околосредовой среде фактом. Получение премии или главной номинации можно сравнить с победой профессионального спортсмена в Олимпийских играх – это пик карьеры. Нет ничего удивительного в том, что Захару Прилепину приходится ощущать на себе многочисленные «последствия» личных амбиций участников этого писательского дерби, а также его рефери. Всю премиальную эпопею блогер воспринимает как элемент многоходовой комбинации, свидетельствующей о противоборстве уже упомянутых «лагерей». Для их номинации писатель использует эвфемизмы «многие прогрессивные граждане» и «патриотический лагерь». Прямо назван один принципиальный недоброжелатель – журналист и блогер Божена Рынки²², которая голосовала (по данным блогера) в стиле «Лишь бы не Прилепин». Принципиально ошиблась, по мнению обладателя «Большой книги», и критик Анна Наринская, которая признавала, что «нулевые были временем Прилепина», но напрасно предсказывала падение популярности писателя в 2010-х. Пафос разбираемой записи в Facebook можно свести к одной из её финальных фраз: «Утретесь, и поехали дальше». Сознательно сниженная до просторечия формулировка позволяет обычно сдержанному Прилепину картинно «подыграть» своим недоброжелателям, выступив в роли человека из народа, не разбирающегося в тонкостях литературно-политической идеологии. С позиции победителя он наблюдает картину «литературных нравов», удивляясь завистливой мелочности оппонентов.

Пропуская как минимум ещё один обмен «взаимными высказываниями» Татьяны Толстой и Захара Прилепина, обратимся к их полемике, относящейся к июню 2015 г., крайне интересная тема которой может быть обозначена как размышления писателей о реакции аудитории на их же произведения. **Захар Прилепин** (от 16 июня 2015 г.):

«Иногда я думаю, глядя на русских (читающих) девушек: как же они умудряются сохранять душевное равновесие и свою сопричастность к России, русской культуре, русской географии и, наконец, русским мужчинам – одновременно с этим находясь на 90% в контексте сугубо женской прозы: Улицкая, Толстая, Алексеевич и т. п. – это же основной состав их литературных привязанностей, я в каждой российской библиотеке эти имена слышу. То есть, далеко не всякая женская проза такая, она бывает разная, я просто называю самые “ходовые” имена, самые читаемые. И я, заметьте, не говорю, что это плохая литература – очень часто это прекрасная литература, иногда хорошая, иногда достойная, иногда (чаще

всего) “не дурная”. Но чего там точно сложно найти – так это мирооправдания, высокого, простите, гуманизма, любви к русской истории и к русскому национальному характеру. Что-то другое там есть (и очень многое), но чаще всего – это весьма мрачный мир, к традиционным русским закидонам относящийся сугубо отрицательно и брезгливо. И вот они, эти чудесные, чудодейственные девушки, с огромными глазами, ласковые и всепонимающие читают всё это, и не сходят с ума. Или, может, сходят? Или, может, они что-то своё там читают? А то, что я там вижу – не видят вообще?»²³

Вышеприведённый «пост», так же как и предыдущие записи Прилепина, содержит ряд формулировок, требующих от взыскательного читателя многочисленных подтверждений и мотивировок. Снова мы сталкиваемся с «окончанием» серьёзного размышления, оставшегося в сознании писателя практически в полном объёме, а публике представленного в формате выводов. Столь серьёзные мировоззренческие тезисы (о девушках, которые «умудряются сохранять душевное равновесие и свою сопричастность к России, русской культуре, русской географии...») нельзя отнести к традиционной жанровой форме аналитической статьи. Но в качестве заключительной части литературно-критического очерка эти формулировки могли бы полноценно «звучать»; могли бы – потому что самого очерка, как уже было отмечено, аудитория блога Захара Прилепина прочесть не смогла. Представляется, что эта редуцированная часть и не требуется: система взглядов блогера выстраивается последовательно – в хронологии его записей. Соответственно, его *читатель уже выдал любимому автору внушительный кредит доверия*, достаточный для того, чтобы не сомневаться – текст обдуман и опубликован не случайно. Самая для нас важная особенность восприятия информации в ленте блога заключается в том, что уровень доверия аудитории (заинтересованности в публикациях того или иного блогера) определяется не только логично структурированными записями, насыщенными фактами и рациональными объяснениями каждого тезиса, а зависит от субъективных факторов. Так, читатель может ценить Татьяну Толстую как кулинара и рачительную домохозяйку (она успешно проявляет себя и в этом качестве). При этом доверие и сочувствие её литературным оценкам возникает автоматически – как **перемещение внимания с одной характеристики личности блогера на другую**. Такое перемещение происходит без явных потерь заинтересованности/уровня доверия со стороны постоянной интернет-аудитории, что не отменяет критики приверженцев других «партий» и «направлений». Потому и высказывания Прилепина о так называемой «женской прозе» не вызывают отторжения в контексте его записей на Facebook и его публичных выступлений в целом. Они идут вразрез с позициями и оценками других влиятель-

ных участников литературного процесса – его оппонентов.

Татьяна Н. Толстая отвечает через два дня (18 июня 2015 г.): «Нежнее с писателем Захаром Прилепиным, нежнее с Женечкой, пожалуйста!

Уж сколько раз я предупреждала, беспокоилась: он же девочка! Ранимый, плаксивый даже где-то. Литератор-незабудка, литератор-колокольчик, литератор-одуванчик, боящийся даже теплого летнего ветерка! Кто-то опять обидел его, лягнул копытом это трепетное, хрупкое существо. Видимо, я, – так я же с себя вины не снимаю. Но ведь еще и Улицкая, совесть части нации, лягнула, и Алексиевич, грубая такая, туда же. “У войны не женское лицо” – это она еще эвон когда написала! А вот у Захара женское, женское, товарищ Алексиевич! Всё же надо бережнее! Еще бережнее! Не все премии, ордена и медали почему-то достались Женечке. Этот вот вопрос надо пересмотреть, по справедливости. Кто-нибудь, займитесь. Омбудсмены, вы что там притихли? – прямая ваша обязанность. Но вот еще недоработка: некоторые другие девушки, большеглазые подруги, читают не Женечку, а этих ужасных Людмилу, Татьяну и Светлану. Как они сохраняют душевное равновесие?! Как?! Сопричастность как сохраняют? Девушки, родные! Берегите сопричастность, она вам даётся один раз!»²⁴

Хочется обратить внимание на последовательное развитие образной линии выступлений Татьяны Толстой в адрес Захара Прилепина: писательница предельно аккуратно и точно следует логике построения фразы и эмоционального рисунка однажды избранного «персонажа»; что можно проследить как на уровне речевого темпоритма, так и в лексическом ряду. Просторечные словоформы и «широковещательные» синтаксические конструкции (многочисленные призывы и побуждения), логика строения речи («вопрос – ответ» и стиливые намеки на газетный слог советского времени – всё это позволяет создать цельный, объёмный образ в лаконичном тексте. Героиня Толстой (назовём этого виртуального оппонента Захара Прилепина так) со временем становится всё ярче и смешнее: юмористический эффект достигается с помощью классической риторической методики снижения: высокопарная стилистика размышлений о «сопричастности к России, гуманизме и любви к русской истории» обыгрывается в манере коммунальной перепалки; здесь все её неизменные атрибуты: беспардонная настойчивость и скандальная вседозволенность. Позади эмоций и ярких реакций виртуальной личности Татьяны Толстой мы обнаруживаем строгую логику критического самоотчёта. Разделение прозы на категории женской и ещё какой-либо (мужской?) – тезис, который Татьяна Толстая подвергает последовательной критике, такая же «участь» ожидает формулировку Прилепина о тематических приоритетах, передающую преимущественное право на гуманистические идеалы

словесности и погружение в глубины «русского национального характера» мужской части участников литературного процесса.

Мы можем выявить ряд функциональных характеристик, определяющих векторы развития русского литературного процесса начала XXI в.:

– рубеж XX и XXI вв. характеризуется возникновением новых *центров активности* в сфере публикации литературных произведений и литературно-критических отзывов, а также снижением интереса широкой аудитории к традиционным формам тиражирования произведений художественной словесности и диалоговым площадкам, предоставляющим на протяжении XX в. возможность для тематических полемики и развития литературных движений (процессы развития информационных технологий и цифровых систем связи);

– одним из важнейших центров активности, оказывающим влияние на развитие литературного процесса, становятся специфические интернет-сообщества – социальные сети, – предоставляющие писателям и литературным критикам возможность свободного высказывания и диалога, а также возможность формирования личного пула постоянных читателей;

– в результате гиперактивного роста аудитории социальных сетей и специальных литературных порталов в сети Интернет начинают меняться статусные роли писателя, литературного критика и читателя; теперь они обладают равными стартовыми возможностями (знакомство с текстами, публикация произведений, участие в полемике, формирование постоянной лояльной аудитории);

– структура и стилистика литературно-критического текста, опубликованного в пространстве социальных сетей, в первую очередь, ориентирована на восприятие аудитории, хорошо знакомой с ранними выступлениями и оценками автора; таким образом, формат блога позволяет не повторять уже знакомых постоянным читателям положений и логических умозаключений, а сосредоточиваться исключительно на оценочных характеристиках и выводах;

– уровень влияния автора определяется не тиражом и статусом какого-либо периодического издания (площадки), а его собственным опытом виртуальной коммуникации: продолжительностью и тематической последовательностью его публикаций (текстов, комментариев и «лайков»), а также числом постоянных подписчиков его аккаунта и средним количеством просмотров «постов».

Крайне сложно и, на наш взгляд, преждевременно формулировать окончательные исследовательские результаты по заявленной теме. Мы наблюдаем новые явления и преобразования, связанные с цифровыми коммуникационными площадками, в режиме реального времени и только начинаем фиксировать различные эффекты их воздействия на современную русскую словесность.

В качестве промежуточного итога предложим гипотезу: изменения традиционных жанровых границ и ключевых статусов, определяющих векторы развития литературного процесса конца XX – XXI вв., маркируют новую эпоху русской словесности и, в частности, литературной критики. Становясь по-настоящему массовой, последняя продолжает выполнять свои читательские функции: помогать в выборе книги, понимании сюжетов и сложных смысловых подтекстов, формировать литературный вкус и собственное отношение к направлениям и «партиям» в словесности. Сеть Интернет и потенциал социальных сетей (пока не оценённый) не изменили природы художественного творчества, они лишь открыли пути к новой – обладающей компетенциями виртуального общения – аудитории.

Примечания

- ¹ Книгин И. Словарь литературоведческих терминов. Саратов, 2006. С. 97–98.
- ² Прозоров В. Другая реальность : Очерки о жизни в литературе. Саратов, 2005. С. 163.
- ³ Отметим: комплекс идей, высказанных в книге «Другая реальность», был сформирован и опубликован до появления и активного распространения социальных сетей в русскоязычном сегменте сети Интернет; монография вышла в 2005 г., сеть Facebook стала доступна на русском языке в 2008 г.
- ⁴ Прозоров В. Указ. соч. С. 163.
- ⁵ См. главу четвертую академической «Истории русской литературы», посвящённую литературно-общественному движению конца 1760-х – 1780-х гг. : История русской литературы : в 4 т. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века / под ред. Д. С. Лихачева и Г. П. Макогоненко. Л., 1980. С. 571–627. Указанное историко-литературное исследование можно считать одним из важнейших – этапных для отечественной филологии – проектов Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР.
- ⁶ В качестве литературного критика и обозревателя в первом – программном – номере пушкинского «Современника» выступал Н. В. Гоголь. Анализ этой ситуации и литературу по теме см.: Суворов А. Судейские мотивы в статье Н. В. Гоголя «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» и в журнале «Библиотека для чтения» // Властные функции СМИ : литературно-журнальные традиции и современная массмедийная практика / под ред. В. В. Прозорова. Саратов, 2006. С. 187–203.
- ⁷ См. раздел «Рекламодателям» на официальном сайте «Литературной газеты». URL: <http://lgz.ru/advertisers/> (дата обращения: 01.07.2015). Отметим, что на сайте не указано, какие аудиторные группы «вошли» в эту цифру, а ссылки на исследование названной TNS Media Research тоже не представлены. Будем считать, что это совокупный тираж (возможно, с учётом использования одного номера целой семьёй, например), плюс все посетители сайта издания и возможные перепечатки публикаций.

- ⁸ См.: История журнала «Новый мир» на сайте «РИА новости». URL: <http://ria.ru/media/20100118/205179377.html> (дата обращения: 02.07.2015).
- ⁹ В чем признаются сами редакторы трёх значимых литературных журналов (Александр Ливергант, Андрей Василевский и Валерий Дударев) в эфире телеканала «Культура»; см. выпуск программы «Наблюдатель» от 29 июня 2015 г. URL: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20918/episode_id/1210316/video_id/1191761/viewtype/picture/ (дата обращения: 04.09.2015).
- ¹⁰ На главных страницах сайтов в режиме реального времени работают счётчики количества публикаций и авторов; цифры впечатляют – на момент подготовки статьи на сайте stih.ru было зарегистрировано 643 855 авторов, опубликовано 30 177 975 произведений, а на сайте proza.ru – 225 891 авторов опубликовали 5 216 904 произведений.
- ¹¹ См.: Елина Е. От девятьсот двадцатых к двухтысячным : литература, журналистика, литературная критика : сб. ст. Саратов, 2012. С. 4–11.
- ¹² Там же. С. 6.
- ¹³ Там же. С. 11.
- ¹⁴ Оба литератора неоднократно – в публикациях и с помощью ссылок – подтверждали свои права и статус этих аккаунтов, однако, в соответствии с политикой конфиденциальности сети Facebook, в открытом доступе не могут размещаться персональные данные пользователей (IP-адреса и прочие данные), что оставляет скептикам причины для сомнения в принадлежности вообще любого аккаунта. Проверка всех цитат из сети Facebook, согласно пользовательскому соглашению, потребует действительной учётной записи на этой площадке.
- ¹⁵ Запись Татьяны Толстой на её странице в Facebook. URL: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=10152614707598076&set=a.10151053606083076.451628.819658075&type=1> (дата обращения: 03.07.2015).
- ¹⁶ Мы условно используем номинации литературных движений и неформальных идеологических блоков, часто следуя за нашими авторами.
- ¹⁷ Запись Захара Прилепина на странице в Facebook. URL: <https://www.facebook.com/zaharprilepin/posts/843423749035281> (дата обращения: 03.07.2015).
- ¹⁸ Достаточно вспомнить такие статьи и заметки А. С. Пушкина, как «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и прочем». (См.: Пушкин А. Собр. соч. : в 10 т. Т. VII. Л., 1978. С. 175–179).
- ¹⁹ Запись Захара Прилепина на странице в Facebook. URL: <https://www.facebook.com/zaharprilepin/posts/844751572235832> (дата обращения: 03.07.2015).
- ²⁰ Запись Татьяны Толстой на её странице в Facebook. URL: <https://www.facebook.com/TatyanaTolstaya/posts/10152785990103076> (дата обращения: 03.07.2015).
- ²¹ Запись Захара Прилепина на странице в Facebook. URL: <https://www.facebook.com/zaharprilepin/posts/854366721274317> (дата обращения: 03.07.2015).
- ²² Фамилия в сетевых ресурсах – Рынска.
- ²³ Запись Захара Прилепина на странице в Facebook. URL: <https://www.facebook.com/zaharprilepin/posts/965808370130151?fref=nf> (дата обращения: 03.07.2015).
- ²⁴ Запись Татьяны Толстой на её странице в Facebook. URL: <https://www.facebook.com/TatyanaTolstaya/posts/10153329688353076> (дата обращения: 03.07.2015).